

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЙСКОЕ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ
НАСЛЕДИЕ:
РУССКИЕ ТОПОНИМЫ
В ЮЖНОЙ ЧАСТИ
ТИХОГО ОКЕАНА**

Коллективная монография

Москва
ИВ РАН
2021

УДК 910.4+910.26+930.2

ББК 63.3(8)+63.3(2)

P76

Ответственные редакторы и составители:

к.и.н. Е. М. Астафьева (ИВ РАН), к.и.н. С. Е. Пале (ИВ РАН)

Рецензенты:

д.и.н. А. Я. Массов (СПб ГМТУ), д.и.н. Н. П. Малетин (МГИМО),
к.культурол. Д. С. Панарина (ИВ РАН)

Коллектив авторов:

Е.В. Говор (АНУ), Н.Н. Миклухо-Маклай (ИВ РАН), Е.А. Канаев (НИУ ВШЭ),
А.В. Антошин (УрФУ), С.Е. Пале (ИВ РАН), А.А. Гарин (ИВ РАН),
Д.С. Кочетков (ИВ РАН), Е.М. Астафьева (ИВ РАН)

Утверждено к печати

Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН

P76 Российское цивилизационное наследие: русские топонимы в южной части Тихого океана: (Коллективная монография) / Отв. ред. и сост: Е. М. Астафьева, С. Е. Пале; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021 – 262 с.

ISBN 978-5-907543-01-0

Книга предназначена как для широкого круга читателей, интересующихся историей, географией, путешествиями и политической обстановкой в Южно-Тихоокеанском регионе, так и для узкого круга специалистов, занимающихся данной тематикой, включая лиц на дипломатической службе и служащих государственных министерств и ведомств. Приведенный в Главе 10 «Список русских географических названий в Океании» актуален для использования в работе по созданию «Атласа мира русских географических названий», начатой по поручению Председателя попечительского совета Русского географического общества в 2018 г. профильными организациями.

В оформлении лицевой стороны обложки использованы: письмо князю Бисмарку 19 сентября (1 октября) 1884 г. Сидней. 28 декабря 1884 г. (9 января 1885 г.) и письмо Александру III Мельбурн, 28 декабря 1884 г. (9 января 1885 г.).

Источник: Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений. В 6 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2020. Т. 1. С. 97; Т. 5. С. 437-438, 453-454.

В оформлении задней стороны обложки использован рисунок «Мужской дом и хижина на Берегу Маклая». Источник: Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений. В 6 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2020. Т. 1. С. 97.

© Коллектив авторов, 2021

© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Вводное слово	5
Глава 1. Южно-Тихоокеанский регион в современном мире и российской политике	15
Глава 2. Пятая часть света на русских картах.	35
Глава 3. Роль контактов с коренным населением в истории русских топонимов в Океании.....	58
Глава 4. Русский след на карте Австралии	97
Глава 5. Топонимика островов Полинезии и Микронезии в трудах зарубежных ученых, мореплавателей, периодических изданиях и картографии XIX-XX вв.	117
Глава 6. Открытия в Океании Первой русской антарктической экспедиции.....	139
Глава 7. Интересные факты о российских первооткрывателях в южной части Тихого океана начала XIX в.	150
Глава 8. О русских географических открытиях в Океании – детям: популяризация наследия путешественников XIX в. среди школьников СССР и современной России.....	180
Глава 9. Первые шаги к созданию Атласа мира русских названий	191
Глава 10. О списке русских географических названий в Океании	204
Список русских географических названий в Океании	207
Аннотации	235
Библиография	240

CONTENTS

Foreword	5
Chapter 1. The South Pacific Region in the Modern World and Russian Politics	14
Chapter 2. The Fifth Part of the World on Russian Maps	35
Chapter 3. The Role of Contact with Indigenous People in the History of the Russian Toponyms in Oceania	58
Chapter 4. The Russian Presence on the Map of Australia	97
Chapter 5. The Naming of the Polynesian and Micronesian Islands in the Works of the Foreign Scientists and Navigators, and in the Periodicals and Maps of the 19-20th Centuries	117
Chapter 6. The Discoveries in Oceania Made by the First Russian Antarctic Expedition	139
Chapter 7. Interesting Facts about the Russian Explorers in the South Pacific of the Early 19th Century	150
Chapter 8. On Russian Geographical Discoveries in Oceania - for Children: Popularization of the Heritage of Travelers of the 19th Century among Schoolchildren of the USSR and modern Russia	180
Chapter 9. The First Steps Towards the Making of the World Atlas with the Russian Toponyms	191
Chapter 10. On the «List of the Russian Geographical Names in Oceania»	204
List of the Russian Geographical Names in Oceania	207
Abstracts	235
Bibliography	240

Глава 3. РОЛЬ КОНТАКТОВ С КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ В ИСТОРИИ РУССКИХ ТОПОНИМОВ В ОКЕАНИИ*

Традиционно история русского присутствия в Океании рассматривалась как история открытия новых земель, изучения коренных жителей и сбора коллекций. В советское время к ней добавилась сильная антиколониальная составляющая. Историки осуждали представителей западных колониальных держав и противопоставляли им гуманистическую позицию русских путешественников. Коренное население тихоокеанских островов выступало объектом изучения или, в случае колониализма, страдающей стороной. Однако в странах Океании уже со второй половины XX в. ученые слышали голоса коренных жителей, которые не хотели быть лишь объектом колонизации, – напротив, представляя недавнюю историю со своей перспективы, они указывали на свою активную позицию в происходивших событиях. Например, именно они решали принимать или нет миссионеров. Именно такую историю я записала в 2014 г. во время полевой работы на южном берегу Новой Гвинеи в деревне Кеапари (Карепуна), где побывал Н.Н. Миклухо-Маклай (1846–1888)¹. Рисунки Миклухо-Маклая также свидетельствуют, что часто именно океанийцы выбирали, кого он будет рисовать, и таким образом на рисунках появлялись значимые для данной деревни лица, которых и ныне помнят их потомки². И всем нам с детства знакомая история первого мирного контакта Миклухо-Маклая в деревне Горенду, где он встретил своего будущего друга Туя и поразили островитян своим спокойствием и бесстрашием, рас-

---

* Сведения об авторе: *Говор Елена Викторовна* – доктор философии (история), научный сотрудник Австралийского национального университета, Канберра, Австралия. E-mail: elena.govor@anu.edu.au

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

сказывается жителями Горенду с другим акцентом: Туй объявил Миклухо-Маклая своим названным братом, взял под свою защиту, и дальше Миклухо-Маклай мог беспрепятственно путешествовать по всему побережью, потому что он находился под покровительством названных братьев Туя и в Горенду, и в других деревнях. По счастливой случайности я приехала в Горенду с правнучкой Коди-Боро, названного брата Туя из деревни Богадым, и услышала эти параллельные апокрифические истории о Миклухо-Маклае, сохраняемые разными кланами³.

Чтобы подчеркнуть активную роль коренных жителей Океании в истории ранних контактов, часто используется термин «*Indigenous agency*». Анализируя дневники, карты, рисунки европейских первооткрывателей, мы находим в них не сразу видимые знаки присутствия, активной роли океанийцев, которые австралийский этноисторик Бронвен Даглас называет «*countersigns*»; она разработала целую методику их поиска⁴. Такой подход к осмыслению прошлого позволяет создавать полифоническую историю, где – используя образ, созданный австралийским историком Греггом Денингом, – обе стороны, находящиеся по разные стороны прибрежной полосы, идут навстречу друг другу. Концепция Денинга стала чрезвычайно популярной в этноистории Океании после публикации его книги *Beach Crossing*, название которой можно перевести как «Пересекая прибрежную полосу»⁵.

Полифоничность океанийской истории находит свое проявление в русской топонимике Океании, – как в наименовании географических объектов, так и в использовании этих наименований на русских картах и в печати, – ведь за многими русскими топонимами Океании стоят микроистории контактов с океанийцами.

Первые русские топонимы в Океании были связаны с кругосветным плаванием 1803–1806 гг. И.Ф. Крузенштерна (1770–1846) и Ю.Ф. Лисянского (1773–1837). С выходом кораблей экспедиции в Тихий океан, русское изучение Океании, которое до этого было умозрительным, обрело материальность непосредственного контакта с океанийскими островами и их народами. Не случайно, что именно после того, как экс-

педиция вошла в Океанию, Крузенштерн начал работать над «Атласом Южного моря». Лейтенант Ермолай Левенштерн (1777–1836) писал о тех днях: «Описания путешествий сильно увеличились [в числе], требуются годы, чтобы все их прочесть. Путаница названий, особенно в Тихом океане, порождает большие ошибки. И так как каждая нация ведет счет долготы от своей столицы, то это вызывает ошибки и в определении места. Крузенштерн начал разрубать этот гордиев узел. Уже готово несколько тетрадей»⁶. И хотя эта идея «Атласа» уже витала в воздухе, вероятно, именно их физическое присутствие в Океании, так близко к неизведанным землям, побудило Крузенштерна сделать этот первый практический шаг.

Северная группа Маркизских островов, где экспедиция остановилась у острова Нуку-Хива, оказалась местом с «проблемным» названием. Европейским первооткрывателем этой группы островов был американец Джозеф Ингрэм, который подошел к ним на бриге «Хоуп» (*англ.* надежда) в 1791 г. и объявил их американским владениям. Он дал наименование каждому острову в честь американских государственных деятелей и, в частности, назвал остров Уа-Хука островом Вашингтона, однако общего названия для всей новооткрытой северной группы он не предложил. Затем острова были «открыты» французами и англичанами, которые давали им свои имена, а затем еще один американский капитан, Джосия Робертс, в 1892 г., считая себя первооткрывателем, назвал их островами Вашингтона. Крузенштерн, на основе доступной ему информации, писал: «Робертс или Инграм был первый, давший сие название? Сие точно неизвестно. Но честь открытия островов сих принадлежит бесспорно американцам. Итак, справедливость требует удержать сие название. <...> Хотя и справедливо, что чем менее будет разных названий на картах и более островов, известных под одним именем, тем лучший порядок и удобность в землеописании соблюдается, но неужели не заслуживает исключения имя Вашингтона, которое всякую карту украшать долженствует?»⁷. Об этом же он писал и в разъяснениях к «Атласу Южного моря» в 1823 г.: «как известно, что один из них получил имя Вашингтона, а вероятно, что и вся группа первыми своими открывателями названа также, то я

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

для северозападной группы островов Мендозы⁸ предложил название «Вашингтоновых островов»⁹. Именно с его подачи в России стало активно использоваться название Вашингтоновы острова, появлявшееся на русских картах вплоть до 1870-х годов, в то время как на западе это название скоро перестало использоваться, тем более что в Америке топоним «Вашингтоновы острова» стал использоваться для других географических объектов.

Экспедиция Крузенштерна заложила традиции именования мест в Океании и наглядно продемонстрировала поиски баланса между использованием топонимов, принадлежащих коренным жителям, и наименованиями, данными первооткрывателями. Участники экспедиции знали о наименованиях Маркизских островов предшествующими мореплавателями. Именно они фигурируют в путевых дневниках участников экспедиции и на зарисовках натуралиста экспедиции Вильгельма Тилезиуса фон Тиленау (1769–1857), сделанных во время подхода к Нуку-Хиве. Однако на тех же рисунках Тилезиуса часто есть и местные названия островов, дописанные уже другими чернилами, позже, что свидетельствует о том, что он активно стремился выяснить и ввести в научный оборот местные топонимы, когда появлялась такая возможность¹⁰.

Несомненно, что участники экспедиции придавали местным топонимам большое значение. Главная гавань Нуку-Хивы, где остановились корабли экспедиции, была уже хорошо известна как гавань Анны-Мариин, однако участники экспедиции также часто называют ее маркизским именем Тайо-Хае.

Сложнее обстояло дело со второй гаванью, открытой участниками экспедиции на юго-западе острова. Эта великолепная бухта заслуживала особого названия. Крузенштерн писал: «Островитяне не имеют названия для сей бухты, а потому и назвал я ее Портом Чичаговым, в честь Министра морских сил» (Рис. 1)¹¹.

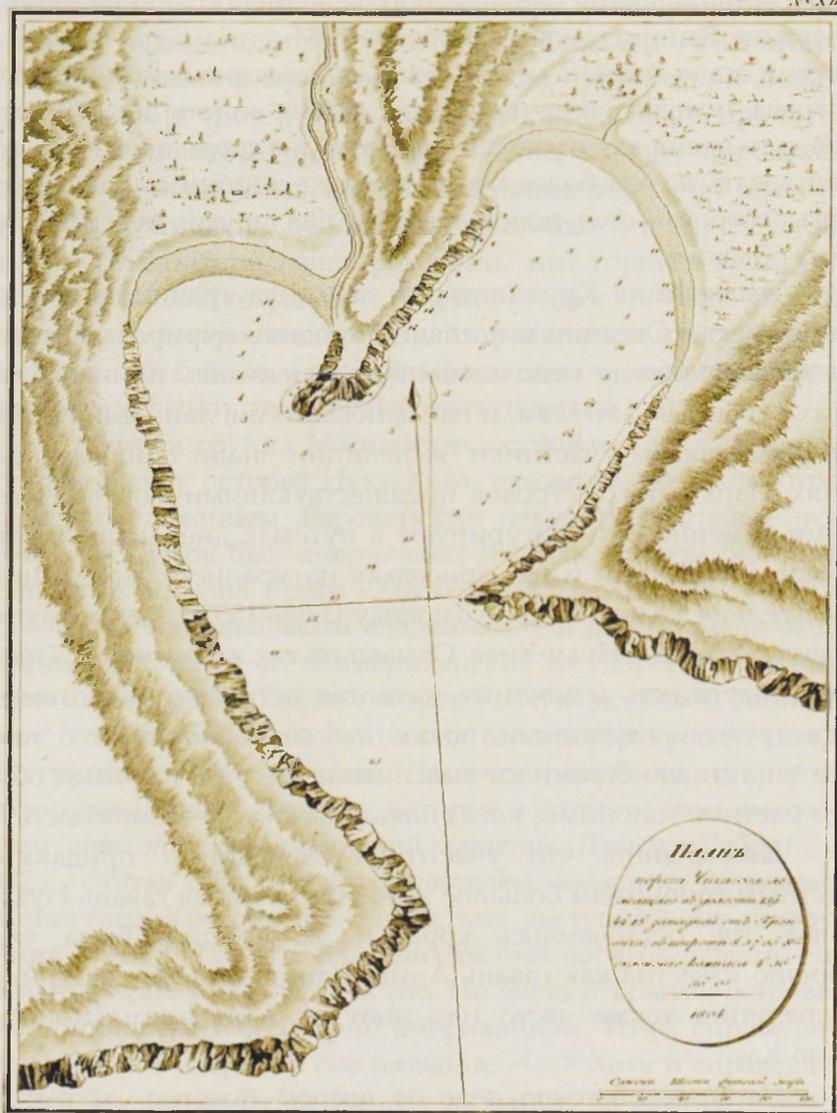

Рис. 1. И.Ф. Крузенштерн. План порта Чичагова¹².

Однако, как следует из неопубликованного дневника Крузенштерна, он первоначально назвал бухту Порт L., вероятно, в честь Левенштерна, офицера, который его открыл¹³, однако через несколько дней Крузенштерн и большинство его

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

офицеров взбунтовались против Николая Резанова, представителя Императора на борту корабля, восстав, таким образом, против власти самого Императора¹⁴. Вполне естественно, что в результате этого Крузенштерн вынужден был выбрать более прагматичное наименование. Петр Васильевич Чичагов (1762–1849) на момент отъезда экспедиции занимал должность заместителя военно-морского министра. Позже, в 1807 г., он получил звание морского министра и адмирала. Согласно географическому газетиру Б. Масленникова, Крузенштерн также назвал в честь Чичагова мыс Темокомоко, закрывающий бухту Чичагова с юго-запада. Но это было еще не все. В дальнейшем и Крузенштерн, и Лисянский назовут в честь Чичагова географические объекты в Японии и Русской Америке, а молодые участники плавания Отто Коцебу (1787–1846) и Фаддей Беллинсгаузен (1778–1852) во время своих экспедиций назовут в честь него атолл Эрикуб (Маршалловы острова, 1817 г.) и атолл Тахана (острова Общества, 1820 г.)¹⁵. Сознательно или бессознательно капитаны, возможно, искали защитника в предстоящих испытаниях и надеялись заручиться его поддержкой. Чичагов, действительно, оценил жест Крузенштерна; в апреле 1805 г. он писал Крузенштерну: «Было приятно видеть, что вы, открыв доселе неизвестную гавань на острове Нукагива, вспомнили меня и каким-то образом сделали меня частью бессмертия, которое наше благодарное потомство, конечно, справедливо запишет в своих книгах летописей»¹⁶.

В наименовании речки Вайоа в этом порту, очаровавшей наших путешественников, действовала другая модель. Лисянский назвал ее Невкой, в честь притока Невы в Санкт-Петербурге (Рис. 2)¹⁷. Это название, не попавшее на современные карты, очевидно объяснялось привлекательностью этого места, а не прагматическими соображениями, как в случае с портом Чичагова.

Рис. 2. Ю.Ф. Лисянский. Губа Жегайе¹⁸.

Тем не менее путешественники позаботились о сохранении исконных топонимов острова. Крузенштерн, например, писал: «В бытность мою на Нукагиве старался я всевозможно узнать имена настоящие по точному оных выговору», однако это не всегда получалось. Так, он записал название долины вокруг западной бухты порта Чичагова как Шегуа¹⁹, Лисян-

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

ский как Жегауе²⁰, Николай Коробицын писал о Жегаунской и Жегнунской бухте²¹, иеромонах Гедеон – о Жигайской²², а Левенштерн – о бухте Гекауве²³. Записи Георга Лангсдорфа (1774–1852) и Тилезиуса особенно ценны для восстановления местных топонимов. Согласно Лангсдорфу, местное название порта Чичагова было Хапоа, долина около этой гавани «называется Шегуа (*Schegua*)»²⁴. Тилезиус в своих полевых записках на немецком языке записал местные топонимы как «Чеква» (*Tschequa*) для долины и «*Janaue*» или «*Schanaui*» для залива, добавив, что участники экспедиции назвали высокую каменную стену, замыкавшую долину с запада, «готической церковью Чеква»²⁵. Ныне западная бухта и долина, идущая к северу от нее, известны как Хакауи. Очевидно, что названия, записанные членами экспедиции как Шегуа-Жегауе-Гекауве-Чеква, были попыткой записать один и тот же местный топоним, и эта многовариантность его написания подтверждает замечание Лангсдорфа о том, «как трудно иностранцу передать правильные звуки» при записи местных названий²⁶.

Трудности с передачей местных названий породили и еще один фантомный «русский» топоним на Нуку-Хиве. И.И. Фирсов отмечает, что Лисянский открыл губу на восточном берегу острова и «дал ей имя – губа Готышева»²⁷. Бухта Готышева, как русский топоним, появляется и в авторитетном и самом полном перечне русских топонимов в Океании, составленном В.О. Гурецким²⁸. Топоним, действительно, кажется русской фамилией, и Лисянский был по всей видимости первооткрывателем этой бухты, однако он отнюдь не заявлял, что он назвал ее именем некоего Готышева. В описании острова он отмечает: «По восточную сторону, которая весьма утесиста и для взору неприятна, лежит губа Готышев; она, как кажется, ничем не закрыта от восточных ветров, которые здесь дуют почти непрерывно, и должна быть для судов опасна»²⁹. Обозначена «Г[уба] Готышев» и на его карте острова (Рис. 3).

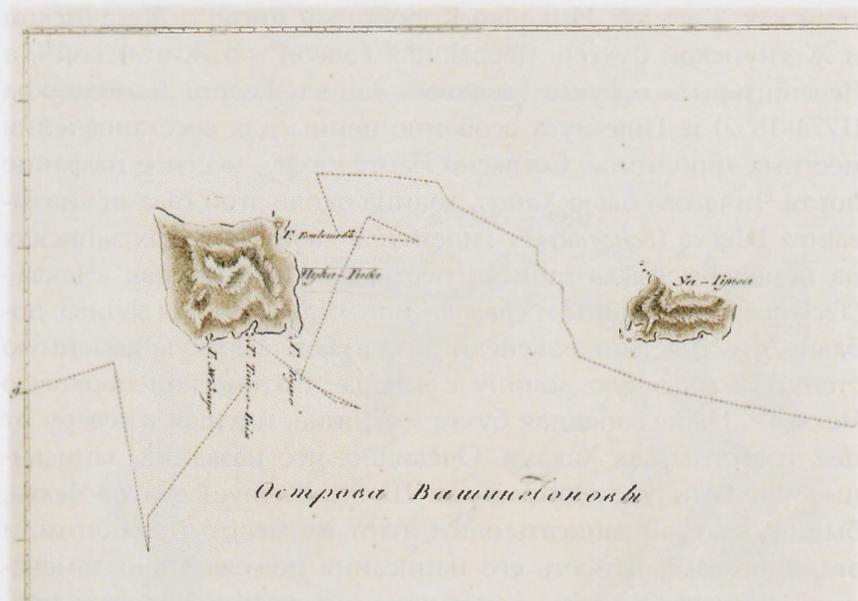

Рис. 3. Ю.Ф. Лисянский. Острова Вашингтоновы³⁰.

В английской версии книги Лисянского она появляется под названием «*Bay Notisheve*». Верный своей позиции использовать местные названия, Лисянский несомненно попытался выяснить местное название открытой им на востоке острова бухты. Главным информантом для участников русской экспедиции был живший на острове англичанин Эдвард Робартс, от которого Лисянский очевидно и услышал это местное название, записанное им как «*Notisheve*», а затем переданное русскими буквами как «Готышев». Крузенштерн также слышал об этом заливе от Робартса, однако полагал, что он находится на западном берегу острова: «Англичанин Робертс рассказывал нам часто о долине западного берега, называемой Готти-шиве, которая по словам его столько многолюдна, что 1200 воинов выставляет. <...> Он сам никогда там не бывал»³¹. Очевидно здесь произошла географическая путаница, т.к. западное побережье острова представляет собой отвесные скалы, а не густонаселенные долины, и Робартс говорил и Крузенштерну, и Лисянскому об одном и том же заливе. Судя по созвучию, это мог быть залив Хатихеу (*Hatihēu*) на севере острова или узкий залив Хаатаивеа (*Haataivea*) на северо-востоке

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

острова. Лисянский, подходя к острову, мог видеть залив Хаатаивеа лишь издалека. Вступив затем в контакт с жителями соседней, более открытой к востоку бухты Хаатуатуа (*Haatuatua*), он ошибочно поместил название Готышев на своей карте на месте расположения последней бухты.

Несомненно, что для путешественников важным было закрепить на карте имена, данные их собственным географическим открытиям. Кроме Невки, Лисянский назвал открытый им в 1805 г. остров в цепи Гавайских островов островом Лисянского в свою честь, сделав это по просьбе команды. Находящиеся рядом рифы он назвал Невской мелью в честь своего корабля, а открытый несколько дней спустя риф – камнем Крузенштерновым³². Первая картографическая публикация этих открытий состоялась в Атласе Лисянского, вышедшем в 1812 г. Река Невка и о. Лисянского изображены в нем на детальных картах, а «К[амни] Крузенштерновы» только на общей карте. Порт Чичагова Лисянский не упоминает и изображает этот залив под его местным названием Жегауе³³. Атлас Крузенштерна 1813 г., в свою очередь, именует остров Лисянского как «остров Невы» с указанием даты его открытия: «1805 Капитан Лисянский», т.е. Крузенштерн не использует данное Лисянским самоназвание острова. На своей карте Маркизских островов Крузенштерн дает название порт Чичагова, но не указывает название речки Невки, хотя и изображает ее³⁴. Возможно это было связано с тлеющим конфликтом между капитанами экспедиции, возникшем после ее возвращения. Остров Лисянского и риф Крузенштерна появляются в Атласе Коцебу на карте 1823 г., посвященной экспедиции Крузенштерна³⁵, а затем в «Атласе Южного моря» Крузенштерна³⁶. Невская мель, окружающая остров Лисянского, на картах не изображалась, а камень Крузенштерна считается рифом-призраком и ныне также не изображается на картах. Название «порт Чичагова» широко использовалось в литературе в начале XIX в., а упоминание о речке Невке осталась только в путешествии Лисянского и в его Атласе. О нем, впрочем, упоминает Фердинанд Врангель, побывавший в порту Чичагова в 1826 г.

Следующему русскому топониму – атоллу Суворова (северная группа островов Кука), открытого в 1814 г. Михаилом Лазаревым (1788–1851) и названном в честь его корабля и великого русского полководца, – повезло больше. Он сразу стал использоваться не только на картах русских мореплавателей, но и на общегеографических картах Океании. Так, например, уже в 1821 г. он появляется на карте «Океания или Австралия и Многоостровие»³⁷ под названием «О. Суворовы».

С этой экспедицией связан и еще целый пласт русских микротопонимов в Океании, судьба которых, впрочем, не была столь удачной. Находившийся на борту «Суворова» доктор Георг (Егор) Шеффер (1779–1836), немец на русской службе, покинул корабль на Аляске; в 1815 г. он был отправлен руководителем Российско-Американской компании (РАК) А.А. Барановым на Гавайские острова. Там, на острове Атувай (Кауаи) потерпел крушение корабль РАК «Беринг», и Баранов хотел вернуть компанейские товары, имея и более серьезные планы относительно закрепления России на Гавайских островах. Шеффер, используя конфронтацию между королями Гавайских островов, склонил Каумуалии, короля Кауаи, принять покровительство российского императора. Однако, согласно современным исследованиям, гавайцы сами манипулировали Шеффером в своих интересах³⁸. Для нашего исследования интересно отметить, что напряженная атмосфера «утверждения» власти России на острове отразилась в топонимах, используемых Шеффером. Так, на юго-западном побережье острова он переименовал речку Ханапепе в Дон, ассоциируя свою деятельность с донскими казаками, покорявшими новые земли. Он также раздавал русские «воинственные» имена местной знати: так появились вожди Платов и Воронцов, вследствие чего деревня на правом берегу реки Дон, подаренная ему одним из вождей, получила название Туилоа Платов. Каменная крепость, воздвигнутая под его руководством на холме в соседней долине, получила название Форт Елизавета, в честь императрицы Елизаветы Алексеевны. Две другие крепости, построенные на севере острова, в долине Ханалеи, были названы им Форт Александр, в честь венценосного супруга Елизаветы, и Форт Барклай-де-Толли. Не забыл он и себя са-

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

мого, назвав долину Ханалеи Шефферталь, а долину Куунакаиоле на южном берегу – долиной Георга по своему немецкому имени³⁹. Однако, все это не помогло Шефферу утвердиться на острове, его проект по присоединению острова к России не был поддержан императором и вошел в историю как «авантюра Шеффера». Данные им названия, естественно, на карте не закрепились, за исключением Форта Елизаветы, развалины которого ныне сохраняются как часть историко-архитектурного заповедника под названием Русский форт Елизаветы⁴⁰.

Значительный вклад в открытие островов Океании внес Отто Коцебу – ему, ученику Крузенштерна, удалось совершить те открытия, которые предвидел, но не успел совершить во время своего плавания Крузенштерн. Атлас Коцебу содержал детальные карты всех его открытий, в частности, в архипелаге Маршалловы острова, сделанные им в 1816–1817 гг. на бриге «Рюрик». Совершенно естественно, что он стремился материализовать свои открытия в виде топонимов, в которые входили эпонимы русских государственных деятелей, героев войны и мореплавателей. Но его подход к названию мест показал особую тенденцию, обусловленную тем, что его путешествие было исследовательским, с длительным пребыванием на некоторых атоллах и дружескими контактами с местным населением. В результате созданные им карты стали новаторскими для своего времени. Так, на карте «Цепь коралловых островов Радака и Ралика» все открытые им острова даны только с местными названиями, а свои многочисленные открытия в Маршалловых островах он представил на «Карте коралловых островов обретенных Рюриком», где, наряду с местными названиями, он указал и все данные им самим названия островов. Кроме того, на отдельной карте островов Графа Румянцева он указал и данные им микротопонимы⁴¹. Крузенштерн, в комментариях к своему «Атласу Южного моря», отмечает прекрасную работу Коцебу по снятию точных карт Маршалловых островов, но публикует карту всех остров под их местными именами, без упоминания названий, данных Коцебу. Исключением является упоминание топонима острова Графа Румянцева и указание на то, что два атолла в группе

Радак Коцебу назвал островами Кутузова и островами Суворова, «но, – указывает Крузенштерн, – так как в сем Океане мы уже имеем группу Суворовых островов, то мне кажется сии группы приличнее назвать одним именем, островами Кутузова»⁴². Во французской версии «Атласа» Крузенштерна наоборот – указаны все русские названия, данные Коцебу, а параллельные местные названия почти отсутствуют⁴³.

К причинам этих различий мы еще вернемся, но сначала посмотрим, как формировался корпус названий, данных Коцебу в группе Радак. Не удивительно, что свое самое главное открытие в этой группе – атолл Вотье – Коцебу назвал в честь спонсора их экспедиции графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826) (Рис. 4).

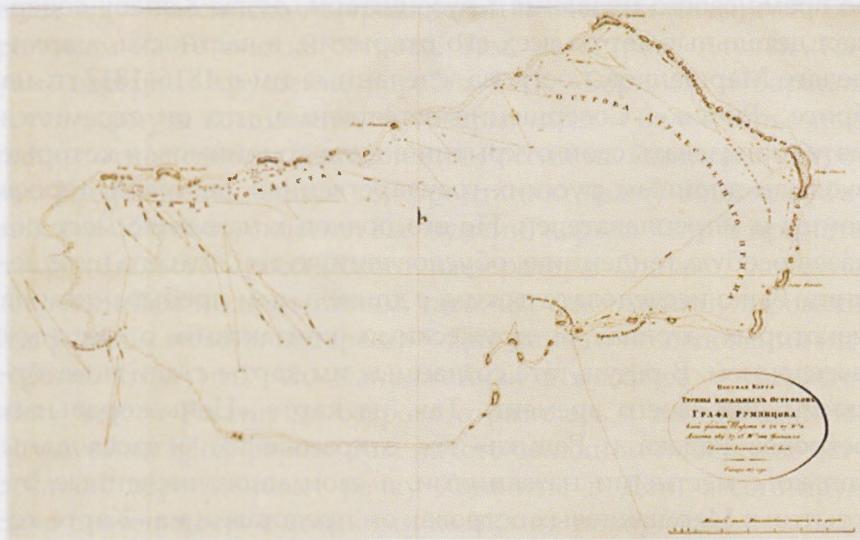

Рис. 4. О. Коцебу. Плоская карта группы коралловых островов графа Румянцева⁴⁴.

Однако, интересно, что характер присвоения топонимов внутри самого атолла менялся по мере развития контактов с местными жителями. Войдя во внутреннюю большую лагуну атолла Румянцева через юго-западный проход, еще до контактов с местным населением, Коцебу использовал описательные названия для двух необитаемых островов: так появился остров Козий, где они оставили коз для островитян, и остров Птичий.

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

Гавань возле Козьего острова они называли гаванью Рождества – это была памятка их праздника вдали от родины. Продвигаясь на восток, в более густонаселенную часть атолла, и установив первый контакт с островитянами, Коцебу меняет практику наименований: теперь он вообще не дает свои имена островам атолла, а наносит на карту три местных названия островов: Ормеди, Отдиа (Вотье) и Эгмедии, называя при этом всю северо-восточную группу островов этого атолла Румянцева островами Дружественного приема, потому что жители были добры, миролюбивы и гостеприимны по отношению к русским мореплавателям⁴⁵.

Более того, на острове Отдиа Коцебу встретил островитянина по имени Лагедиак, который успешно обучал его местному языку. Как только Лагедиак понял, что Коцебу интересуются местонахождением других атоллов, он изобразил на песке карту, показывающую положение всех окружающих атоллов с помощью групп камней. Его карта была удивительно точной и привела Коцебу к многочисленным «открытиям». Лагедиак также показал Коцебу расположение двух проходов на атолле Румянцева. Неудивительно, что Коцебу увековечил помощь Лагедиака в своих трудах, назвав в его честь один из проходов в атолле⁴⁶. Этот интерес к сохранению местных названий был характерен для всей экспедиции Коцебу. Не случайно натуралист экспедиции Адальберт фон Шамиссо (1781–1838) писал: «Заметить должно, что мы называем сии народы и племена большую частью по именам, которые не они себе, а чужеземцы им дали»⁴⁷.

С другой стороны, наименования Федора Петровича Литке (1797–1882) на острове Понпеи (Понапе) на Каролинских островах в 1828 г. представляли собой зеркальную реакцию на опыт Коцебу. Островитяне дважды препятствовали высадке его экипажа на открытый им остров, в результате чего на карте Литке появляется бухта Дурного приема. Однако, несмотря на разочарование, вызванное неудачным контактом, он не стал прибегать к физическому насилию; вместо этого он покорил враждебный остров топонимически, назвав эту группу островов островами Сенявина в честь своего корабля и русского адмирала, прославившегося победой над турецким

флотом в Эгейском море в 1807 г. Картографируя остров, он также наложил ряд топонимов Эгейского моря, связанных со славными победами Д.Н. Сенявина, на географические объекты острова Понпеи: так на карте появились Монте Санто, мыс Твердый (название корабля Сенявина), Тенедос и Башенка, напоминавшая крепостную башню (Рис. 5)⁴⁸.

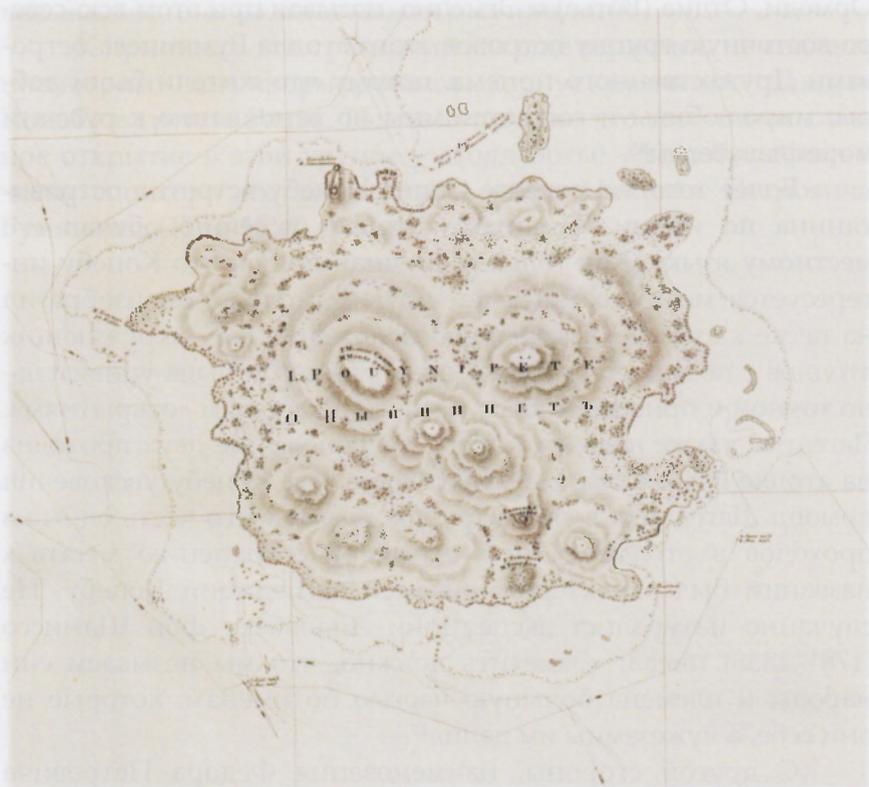

Рис. 5. Плоская карта островов Сенявина (Архипелага Каролинского) / Составленная ... лейтенантом Завалишиным⁴⁹.

Вместе с тем Литке относился с большим уважением к местным топонимам и везде, где он мог установить контакт с островитянами, он выяснял местные наименования и добавлял их к своим картам⁵⁰. Готовя детальное описание Каролинского архипелага, он подчеркивал: «Названия мест, природными жителями употребляемые, необходимы для прочного, систематического описания всякой страны, в особенности же

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

столь обширного архипелага, каков Каролинский. Истина сия столь очевидна, что одно только предубеждение может составить против оной. Если бы мореходцы, в разные времена видевшие большую часть Каролинских островов, брали на себя труд узнавать настоящие их названия, то география сего архипелага никогда бы не представляла того хаоса, в котором мы блуждали до самого последнего времени»⁵¹. Подводя итоги колоссальной работы, проделанной им по картографированию Каролинского архипелага, Литке отмечает, что первым шагом на пути создания достоверной карты этих островов явились сведения, полученные Адальбертом Шамиссо, натуралистом экспедиции Коцебу, от каролинца Каду о расположении и названиях островов в этом архипелаге. Во время его собственного путешествия «сведения в разных местах от Островитян получаемые» стали для Литке путеводной нитью, помогавшей «располагать плавание так, чтобы оставить сколь можно менее островов без определения»⁵². Например, на острове Лугунор (Лукунор) главным информантом для них стал старейшина «Эбунг, старик весьма простой наружности, но с умом и основательностью, – пишет Литке. – Рассказав мне имена островов настоящей и соседних групп, стал он называть еще многие другие. Я сей час взял мел и начертя на палубе окольные группы, просил его продолжать, и он начертил мне, с большим соображением, все известные ему острова Каролинского Архипелага». «Мы счертили эти карты как сокровище», – отмечает далее Литке⁵³.

Свои собственные названия он стремился давать местам, которые не влияли на ясность картографии. Так, на острове Юалан (*совр.* Кусаие) «Один особенно приметный пик с правильною конической вершиною, обращенный к гавани Ла Кокиль», они назвали Памятником Мертенса, в честь натуралиста экспедиции⁵⁴. На острове Понапе мысы были названы в честь лейтенанта Н. Завалишина и зоолога экспедиции Г. фон Китлица⁵⁵. На острове Лугунор гавань, описанную их экспедицией, он назвал гаванью Шамиссо, в честь натуралиста экспедиции Коцебу⁵⁶. Кроме того, в топонимической палитре Литке находят отражение пережитые их экспедицией события. Так, встретив английских моряков, потерпевших кораб-

лекрушение в бухте на острове Бонин, он назвал ее бухтой Кораблекрушения, а соседнюю бухту, где они производили астрономические наблюдения, – бухтой Маятника⁵⁷.

Чрезвычайно плодотворной в плане открытий и обогащения русского топонимического корпуса была экспедиция Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева, посетившая Полинезию в 1820 г. К востоку от Таити, в архипелаге Туамоту, они открыли и описали целую группу островов, названную Беллинсгаузенем островами Россиян. В отличие от экспедиций Коцебу и Литке с длительным пребыванием на новооткрытых островах, позволявшим устанавливать контакты с островитянами и выяснять местные названия, плавание Беллинсгаузена и Лазарева происходило в основном среди необитаемых островов или островов, окруженных рифами, что делало невозможным контакты с местным населением. Это дало возможность путешественникам увековечить в топонимах имена русских государственных деятелей и героев Отечественной войны 1812 года. Характерно, впрочем, что в нескольких случаях Беллинсгаузен указывает свои личные связи с лицами, эпонимы которых он накладывал на карту Тихого океана. Так появился остров контр-адмирала Моллера, который имел флаг на корабле Беллинсгаузена во время его службы на Балтийском море, и вице-адмирала Грейга, под начальством которого он служил на Черном море.

В тех случаях, когда острова были обитаемы и контакт с островитянами удавалось установить, Беллинсгаузен записывал местные названия и не накладывал на них свои собственные. Так, в частности, он сохранил местное название открытого им острова Нигиру, где он установил дружеские отношения с местными жителями. Прибыв на Таити после открытия многочисленных коралловых островов в архипелаге Туамоту, Беллинсгаузен собирал «сведения о названиях коралловых островов <...> от отаитян»⁵⁸. Показательный случай недооценки Беллинсгаузенем познаний океанийцев в топографии их островов на примере местоположения острова Анаа, рассматривается в работе Даглас и Говор; характерно, что Беллинсгаузен признал свою ошибку⁵⁹.

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

Русские названия, данные Коцебу, Беллинсгаузенем и Лазаревым многочисленным, в основном необитаемым островам, открытым ими в архипелаге Туамоту, и в русской, и во французской версиях «Атласа Южного моря» Крузенштерна появляются в виде русских эпонимов (Рис. 6).

Рис. 6. Ф.Ф. Беллинсгаузен. Общая карта Низменных коралловых островов, открытых и вновь осмотренных россиянами⁶⁰.

Однако презентация открытий Беллинсгаузена и Лазарева в регионе островов Друзей (Тонга) в атласах Крузенштерна была сделана по модели, использовавшейся им для представления открытий Коцебу и Литке. В этом архипелаге Беллинсгаузен открыл остров Оно, два необитаемых острова (названные им о. Симонава и о. Михайлова в честь участников экспедиции) и коралльную банку, названную возгласом «Берегись», как предостережение мореплавателям; все эти открытия он указал на картах в своем Атласе⁶¹. Однако в русской версии «Атласа» Крузенштерна на карте островов Друзей название имеет только остров Оно⁶², в то время как во французской версии Атласа указаны названия всех островов, данные Беллинсгаузенем⁶³.

В отличие от позиции Коцебу и Литке, ратовавших за использование географических названий коренных народов Океании, позиция Крузенштерна не была столь однозначной

и отражает трудную дилемму предпочтений при выборе географических наименований для новооткрытых островов. Главным для Крузенштерна было стремление к точности идентификации островов на картах. Его позиция окончательно определилась к середине 1830-х гг., когда он готовил дополнения к своему «Атласу Южного моря», где он писал: «Часто охуждали привычку мореплавателей давать обретениям своим названия европейские, вместо того, чтобы удерживать наименования природных жителей, но привычка сия представляет большие выгоды; во-первых потому, что как туземные названия не произносятся одинаково мореплавателями различных европейских народов, то и написание различно, также и потому, что от незнания языка островитян мореплаватели часто ошибаются в значении названий ими употребляемых в разговоре, и принимают иногда название округа или селения за название самого острова, или на оборот»⁶⁴. Более того, готовя французскую версию «Атласа», Крузенштерн ясно увидел и другой аспект топонимических предпочтений. В комментариях ко второй части «Атласа» он писал об этом: «Сколь ни важны труды наших мореходцев, но не малая часть сих трудов еще неизвестна ученому свету и в особенности иностранцам; ныне издание по Высочайшему повелению сочинения сего и на французском языке, доставя для иностранных ученых сведения о действиях российских мореплавателей, послужит доказательством точности их исследований и описей»⁶⁵. Характерен в этом плане и отзыв Крузенштерна о картах Курильских островов в зарубежных атласах: «они еще и ныне названы самым неверным образом хотя были описаны с великою точностью в 1804 и 1805 годах на "Надежде", и впоследствии покойным кап. Головиным и кап. Рикордом, но издатели карт Южного моря с упорством не хотят уважить сих трудов, и кажется доверяют только карте Капитана Бротона»⁶⁶. Таким образом, именно французская версия «Атласа Южного моря» Крузенштерна, изданная в Санкт-Петербурге после русской, стала главным источником, который знакомил западный мир с русским топонимическим наследием в Океании.

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

Большая переписка, которую Крузенштерн на протяжении многих лет вел с русскими и зарубежными мореплавателями, географами и картографами, сохранилась в Национальном архиве Эстонии в Тарту. Там же хранится и коллекция принадлежавших ему Атласов, на картах в которых он собственноручно делал красными чернилами исправления и дополнения, касающиеся местоположения островов Океании (Рис. 7). Изучение его вклада в картографирование Океании по этим первичным источникам еще ждет своего часа. Отметим, что другая часть его картографического собрания хранится в Центральной Военно-морской библиотеке в Петербурге.

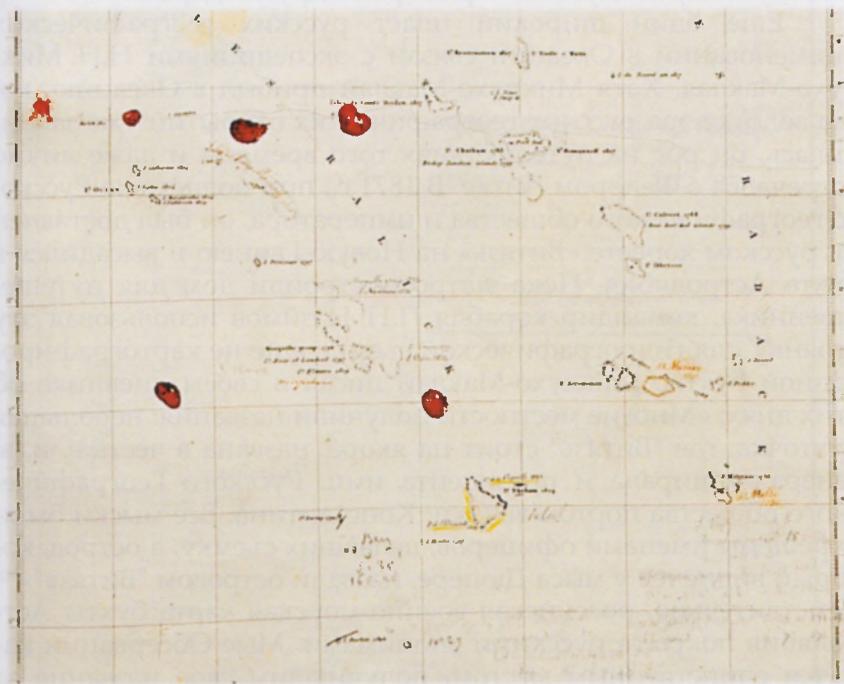

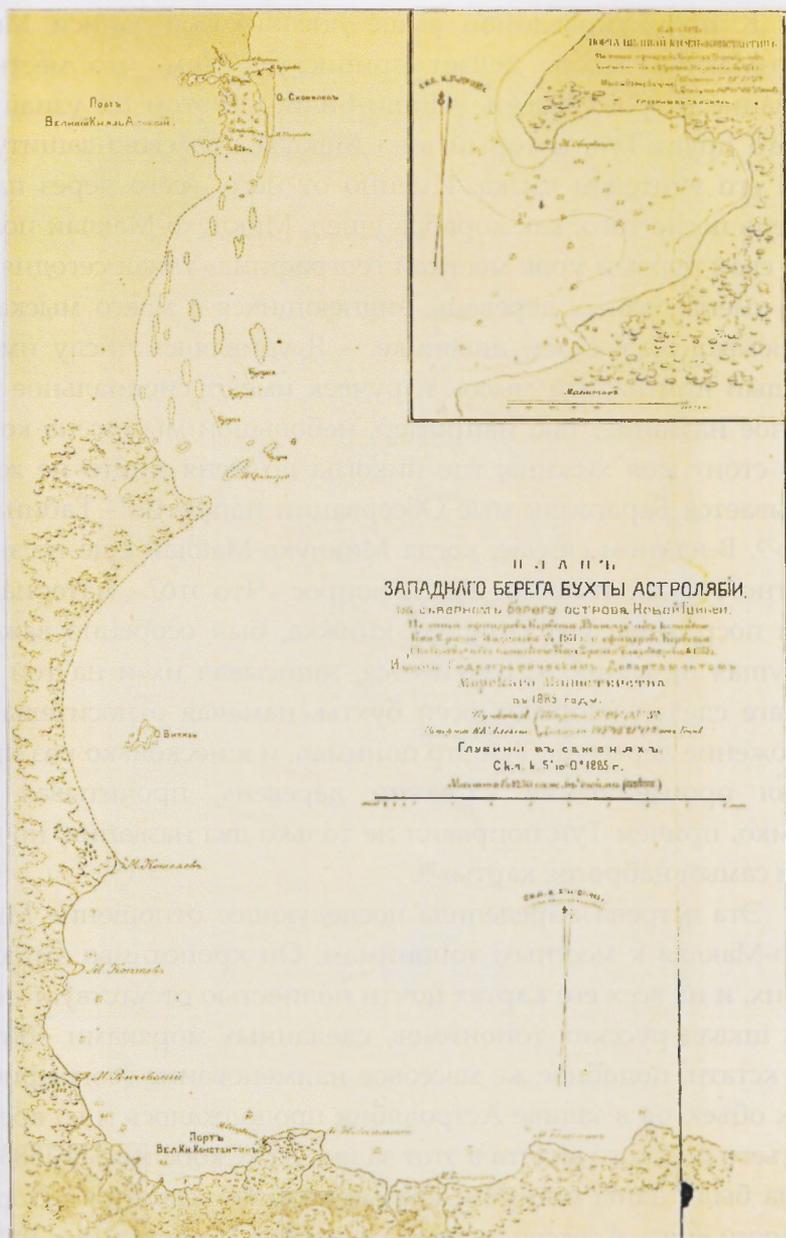
Рис. 7. A.J. Krusenstern. «Carte de l'Archipel des Isles Marshall» - карта Маршалловых островов с исправлениями Крузенштерна⁶⁷.

Русская печать первой половины XIX в. оперативно реагировала на русские открытия в Океании и их популяризацию. Например, в 1825 г., еще до того, как были опубликованы описания путешествия Беллинсгаузена и Лазарева, учебник географии Шульгина перечислял все названия, данные рус-

скими мореплавателями в Океании⁶⁸. В дальнейшем, к началу колониального раздела Океании, русские топонимы оказались в центре дискурса о правах России на тихоокеанские острова. Так, политэконом И.В. Вернадский (1821–1884) в работе 1855 г. отмечал, что «огромное пространство открытого Южного моря звучит не раз русскими именами. Острова: Восток, Лисянского, Римского-Корсакова, Кутузова, Крузенштерна, Румянцева, Суворова, Беллингаузена, Лазарева, Рюрика, Милорадовича, Витгенштейна, Волконского, Аракчеева, Барклая-де-Толли, Сенявина и др. свидетельствуют об услугах наших соотечественников науке; но вместе с тем об умеренности нашей. Нося наши имена, острова эти не принадлежат нам, хотя мы имели бы на присвоение их полное право, руководствуясь предыдущими примерами других держав»⁶⁹.

Еще один широкий пласт русских географических наименований в Океании связан с экспедициями Н.Н. Миклухо-Маклая. Хотя Миклухо-Маклай прибыл в Океанию, когда золотая эра русских географических открытий уже закончилась, он рос на путешествиях того времени и даже лично встречался с Федором Литке. В 1871 г., при поддержке Русского географического общества и императора, он был доставлен на русском корвете «Витязь» на Новую Гвинею и высадился в бухте Астролябия. Пока матросы строили дом для путешественника, командир корабля П.Н. Назимов использовал эту стоянку для гидрографической съемки еще не картографированной бухты. Миклухо-Маклай писал в своем дневнике об этих днях: «Многие местности получили названия: небольшая бухточка, где "Витязь" стоит на якоре, названа в честь е. и. в. генерал-адмирала и президента имп. Русского Географического общества портом вел. кн. Константина. Все мыски были окрещены именами офицеров, делавших съемку, а остров, который виднелся у мыса Дюпере, назвали островом "Витязя"»⁷⁰. Действительно, российская военно-морская карта бухты Астролябия покрыта русскими эпонимами. Мыс Обсервации кажется единственным местом, получившим свое название за свою функцию, так как это место служило точкой отсчета для съемки остальной части залива. Командир корабля Назимов, помимо политически выгодного названия порта Великого князя Константина, также назвал пролив именем российского императора Александра II, но остальные географические объекты в этом районе названы в честь лейтенантов и мичманов «Витязя» (Рис. 8)⁷¹.

**РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ:
РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА**

Рис. 8. План западного берега бухты Астролябии на северном берегу Новой Гвинеи. По описи офицеров корвета «Витязь» под командою кап. 2 ранга Назимова в 1871 г. и офицеров корвета «Скобелев» под командой кап. 2 ранга Благодарева в 1883 г. Издан Гидрографическим департаментом Морского министерства. – СПб., 1885⁷².

К процитированной выше дневниковой записи Миклухо-Маклай вскоре делает приписку о том, что местное название острова Витязь – Били-Били. Об этом он узнал от своего друга Туя, который взял Маклая под свою защиту и стал его учителем языка. Именно от него, всего через пару недель после того, как корабль ушел, Миклухо-Маклай получил свой первый урок местной географии. «Узнал сегодня от Туя имена разных деревень, виднеющихся с моего мыска, – записывал он в своем дневнике. – Я удивлялся числу имен: каждый ничтожный мысок и ручеек имеют специальное туземное название; так, например, небольшой мысок, на котором стоит моя хижина, где никогда до меня никто не жил, называется Гарагасси; мыс Обсервации напротив – Габина и т.п.»⁷³. В данном случае, когда Миклухо-Маклай еще не знал местного языка и не мог задать вопрос «Что это?», материальный посредник, его записная книжка, был особенно важен. «Слушая названия, я, разумеется, записывал их и на той же бумаге сделал набросок всей бухты, намечая относительное положение деревень. Туи это понимал, и я несколько раз проверял произношение названий деревень, прочитывая их громко, причем Туи поправил не только два названия, но даже и самый набросок карты»⁷⁴.

Эта встреча определила последующее отношение Миклухо-Маклая к местным топонимам. Он кропотливо записывал их, и на всех его картах почти полностью отсутствует первый шквал русских топонимов, сделанных моряками «Витязя»; кстати, подобное же массовое наименование географических объектов в заливе Астролябия продолжалось и во время третьего русского визита в этот залив, на «Скобелеве» в 1883 г., когда были даны многочисленные русские названия в Порту Великий князь Алексей, около нынешнего Маданга (Рис. 9)⁷⁵.

**РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ:
РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА**

Рис. 9. План порта Великий князь Алексей, в бухте Астролябия. По описи произведенной офицерами корвета «Скобелев» в 1883 г. Издан Гидрографическим департаментом Морского министерства. - СПб, 1885.

Среди бумаг Миклухо-Маклая сохранилась интересная карта. По всей видимости, это была оригинальная рукописная версия русской военно-морской карты со всеми русскими эпонимами, данными офицерами во время съемки в 1871 году, на которой Миклухо-Маклай методично вычеркивал фамилии русских офицеров, заменяя их местными топонимами (Рис. 10).

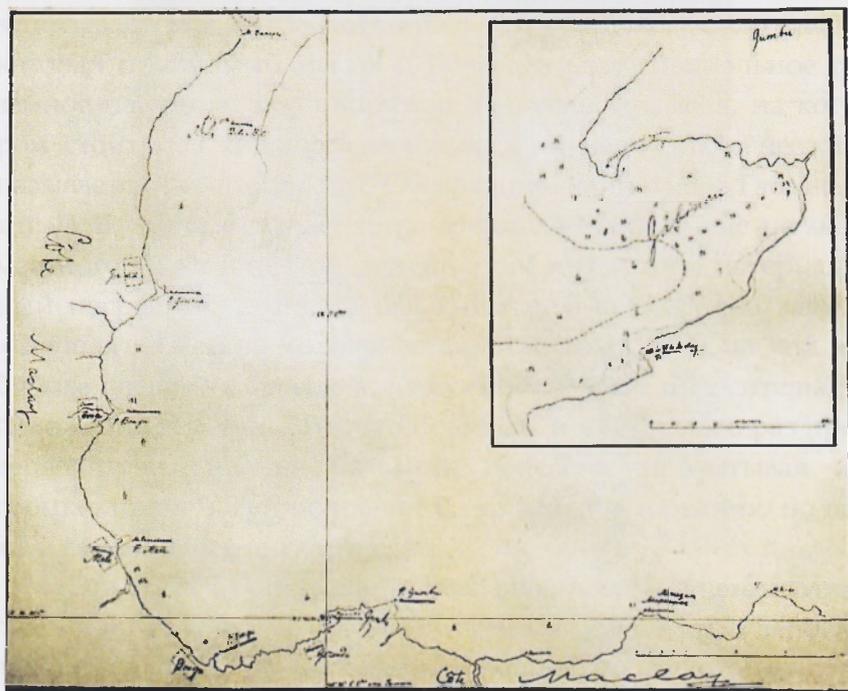

Рис. 10. Н.Н. Миклухо-Маклай. Карта Берега Маклая⁷⁶.

Здесь мы, как кажется, видим две полярные модели – империалистической модели, когда на terra nullis накладывались европейские имена, как это делали русские моряки, противостоит Миклухо-Маклай, стремящийся сохранить имена, используемые коренными жителями. Но в действительности все было не так однозначно. Все они – и Миклухо-Маклай, и офицеры на борту корабля, обследовавшие залив, – были

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

юношами, которым едва перевалило за 20. Моряки, проводя тренировочные гидрографические задания, возможно, просто играли в первооткрывателей. Эти русские имена остались только на военно-морских картах, которые имели ограниченное распространение и практически не вошли в корпус мировой картографии⁷⁷.

Позиция Миклухо-Маклая в отношении местных топонимов тоже была не такой простой. Наряду с тщательной записью местных названий он и сам присваивал наименования различным объектам. Его почти трехлетнее пребывание в этом районе (1871–1872 и 1876–1877 гг.) было очень трудным, во многих случаях на грани просто физического выживания, и данные им географические названия служат маркерами его не только физических, но и эмоциональных путешествий. Прежде чем он узнал от Туя, что мыс, на котором он построил свою хижину, назывался Гарагасси, он назвал его мысом Уединения или даже мысом Отшельничества, потому что сначала он видел себя отшельником, который ради науки покинул мир белого человека. Впоследствии, когда оказалось, что его хижина была построена не на одиноком утесе, а на перекрестке торговых и социальных путей этого побережья и стала центром его контактов с местным населением, он в своих трудах, особенно в научных публикациях, называет его именно мыс Гарагасси, а не мыс Уединения. В рисунках этого места, которое было ему так дорого, он проявляет свою привязанность к нему через замысловато начертанное название Гарагасси, выписывая его подобно монограмме своей возлюбленной (Илл. 11)⁷⁸. Точно так же название мыса Бугарлом, где Миклухо-Маклай жил в 1876–1877 гг., является важным элементом любовного украшения обложки альбома с изображениями местных рыб⁷⁹.

Рис. 11. Н.Н. Миклухо-Маклай. Гарагаси у ручья Бела⁸⁰.

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

Следы интеллектуальных и эмоциональных путешествий Миклухо-Маклая мы можем найти в названиях гор – эти объекты он чувствовал себя свободным называть, так как они, по всей видимости, не принадлежали какому-либо племени и не имели общепринятого названия. Так два горных пика хребта Мана Боро-Боро он назвал в честь немецких философов Канта и Шопенгауэра. К их философии Миклухо-Маклай нередко обращался в своих работах, и возможно, глядя на далекие вершины гор на закате, размышлял о метафизических вещах. Отзвуки таких медитаций можно найти и в его дневнике: «Перед заходом солнца вид высоких гор, с их вершинами, пиками Канта и Шопенгауэра, был великолепен»⁸¹. Название горной цепи прямо за его хижинкой было многослойным. Миклухо-Маклай назвал ее хребтом Карла Бэра, в честь знаменитого анатома, кабинетные исследования которого стали одним из факторов, подвигнувших его отправиться на Новую Гвинею. Несколько вершин в этом хребте он также назвал в честь дорогих ему людей. Так, он наносит на карту пик Мещерского, своего ближайшего друга; пик Елены, названный в честь великой княгини Елены Павловны, покровительницы искусств, взявшей под свое крылышко бывшего бунтаря Миклуху; и пик Константина, в честь великого князя, который помог ему добраться до Новой Гвинеи. Патриотизм Миклухо-Маклая, вероятно, отразился в наименовании горы в честь российского императора Петра Великого, а его прагматизм – в названии горы в честь министра иностранных дел Горчакова (Рис. 12).

Глава 3. Роль контактов с коренным населением
в истории русских топонимов в Океании

Kinnilo (v.)	2	Kar-Kar	1
Gerke R.		Wag - Wag	
Bei (v.)		Tsunrad Str.	
Mt Kant (or Gladstone)		District Tempi, Bomassin (v)	
Mt. Schopenhauer (or Disraeli)		<u>Port Alexis</u>	
Mana Boro-Boro		Sequ I:	
Mana Boro.		Archip ^o of Contented Men	
Andiz (v.)		Quintera - Mana	
Rozem R.		Beile Point	
Lamcheug (v.)		Bili - Bili I:	
Mequ (v.)		Gerima Point	
Mouk R.		Murika (extensive plain)	
Singoz (v.)		Kior R.	
Tivan (v.)		Boqun (v.)	
Muzai (v.)		Tayo - Mana	
Jeliata (v.)		Snor - Mana	
Vitiya Str.		von Baer's Mountain's	
		Koliku - Mana (v)	
		Bongu (v)	
		<u>Port Constantine</u>	
(N.B. <u>Mana</u> - sub name for many		Garagassi	
R. - River		Gambou	
v. - village		Pick Mestizsky	
		Gaboneu R.	
		Tiangum - Mana (v)	
The name " <u>Musclapoint</u> "		Englam - Mana (v)	
has been given by me		Simbou - Mana (v)	
as far back as 1871.		Koli R.	
		Maraquim - Mana (v)	
The names <u>Mt Kant</u> and		Kamran R. Kamran R.	
<u>Mt Schopenhauer</u> were		Sisui - Mana	
given by me in 1871,		Nidi (v)	
3 years before Capt March		Honhan R.	
discovered the highest top Mt Gladstone			
and Mt Disraeli. —)			

Рис. 12. Список топонимов Берега Маклая, сделанный Миклухо-Маклаем, в котором он отмечает свой приоритет в наименовании гор⁸².

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

Похоже, что только горные вершины возвращали Миклухо-Маклая к его европейским привязанностям и связям. В остальном же это была пестрая ткань его постоянных контактов с местными жителями, которая все больше овладевала его вниманием. Во время поездки в северную часть залива Астролябия в августе 1872 г. он записывает: «Солнце показалось на горизонте и осветило архипелаг, спокойную поверхность бухты и далекие горы. Пролив между материком Новой Гвинеи и Григером [островом Грагед] совершенно безопасен, и бухта с ее многочисленными островами, огражденная от моря рифом, представляющим, однако ж, несколько проходов, может образовывать хорошие гавани. Этой бухте мне надо будет подыскать имя, так как, хотя каждый островок имеет свое название, бухта именуется туземцами просто морем»⁸³. Хотя он назвал гавань в честь Великого князя Алексея, для группы островов у него был другой выбор, о котором он писал: «Жизнь этих людей, их отношение между собою, обращение их с женами, детьми, животными произвели на меня впечатление, что эти люди довольны вполне своей судьбою, самими собою и всем окружающим. Я назвал поэтому эту группу островов, на которой еще не был, кроме меня, ни один европеец и которая не нанесена еще на картах, архипелагом Довольных людей – название, которое жители пока заслуживают»⁸⁴.

Позже, пытаясь предотвратить европейское колониальное вторжение в Новую Гвинею, он будет использовать это название в своей антиколониальной борьбе, отмечая в своих публичных лекциях в Санкт-Петербурге в 1886 г., что вторжение торговцев «возбудят в местных жителях корысть», и приведет к насильственному захвату людей: «Не надо будет удивляться при таких условиях, если "Архипелаг довольных людей" со временем превратится в "Архипелаг людей свирепых" или, пожалуй, "Архипелаг убийц"»⁸⁵. К сожалению, именно это и произошло, когда Германия вскоре оккупировала эту территорию для своей колонии. Немцы также германизировали некоторые топонимы, данные Миклухо-Маклаем. Так появились гавани Константинхафен и Алексисхафен, и именно в такой форме эти русские топонимы сохранились до сих пор.

Миклухо-Маклай оставил еще один важный топоним на Новой Гвинее, который присутствует на всех его картах – Берег Маклая. Он писал, что назвал его так «по праву первого европейца, поселившегося там, исследовавшего этот берег и добившегося научных результатов»⁸⁶. В 1881 г. он объяснял причины этого наименования: «название “Берег Маклая” было употреблено мной еще в 1872 г. с целью дать более удобную ссылку в научном описании, чтобы не нужно было постоянно повторять географическое положение исследованной части побережья между мысом Круазиль и мысом короля Вильяма – полосы земли с береговой линией, превышающей 150 миль, простирающейся вглубь до высочайших хребтов и имеющей в ширину в среднем 50–60 миль; это описание было принято ученым миром»⁸⁷. Это название действительно легко вошло в антропологический, естественно-научный и политический дискурс уже при жизни Миклухо-Маклая и использовалось в западной литературе в течение нескольких десятилетий после этого, но ныне употребляется лишь как исторический топоним в связи с деятельностью Миклухо-Маклая⁸⁸. В Новой Гвинее это название помнили, по крайней мере, до Второй мировой войны, теперь же его заменили на Берег Рай, – название, которое впервые было нанесено на карты немецкой администрации колонии. В России Берег Маклая остается единственным названием этой области, и его исчезновение с западных карт воспринимается как печальная утрата⁸⁹.

Надо отметить, что некоторые западные исследователи рассматривают акт присвоения Миклухо-Маклаем своего имени этому побережью как своего рода проявление имперского отношения и вторжения⁹⁰. Это кажется особенно убедительным, если вспомнить, что и командиры русских военноморских кораблей, и сам Миклухо-Маклай нанесли на карту местности имена нескольких членов русской царской семьи и государственных деятелей. Но волшебная палочка материальности показывает, что, помимо практических или «имперских» соображений, топоним Берег Маклая возник и как маркер его личной привязанности к этим местам, где он провел в общей сложности три трудных и счастливых года. На картах,

**РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ:
РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА**

нарисованных Миклухо-Маклаем, видно, насколько дорогим было это имя для самого путешественника, с какой любовью он его вырисовывал среди никому дотоле неизвестных местных топонимов (Рис. 13).

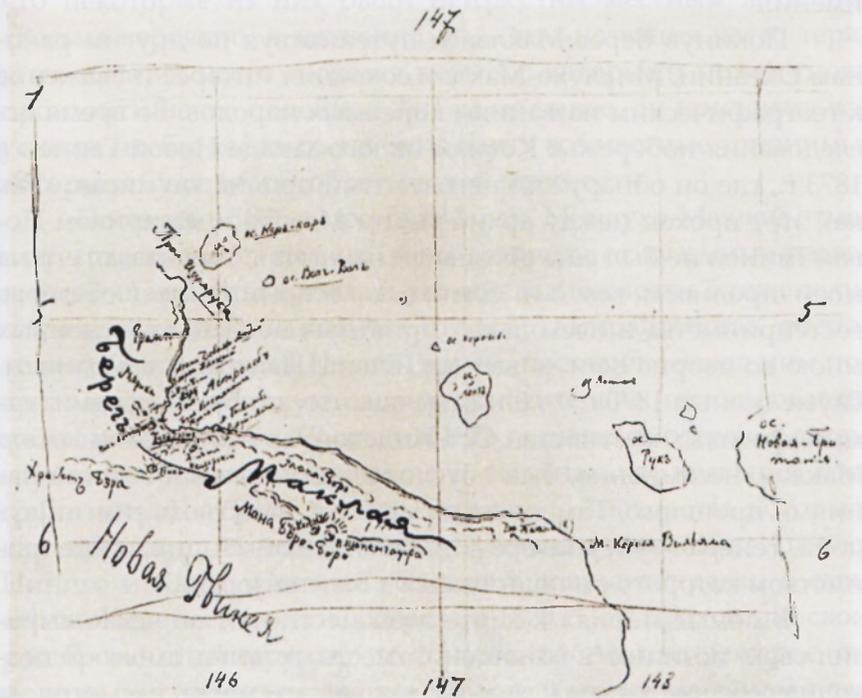

Рис. 13. Н.Н. Миклухо-Маклай. Карта Берега Маклая⁹¹.

Это была не имперская стратегия, а тот материальный след, который он надеялся оставить после себя на ставшим родным для него берегу. Характерно, что хотя это название исчезло с западных карт, память о Маклае никогда не умирала в сердцах местных жителей, которые материализуют ее в ряде микротопонимов, в которых история Маклая продолжается, переплетаясь причудливым образом с историями их предков. Так, советская экспедиция на Берг Маклая 1971 г. обнаружила микротопоним «Гом Маклай» – тропа Маклая, которая вела к месту его хижины в Бугарломе, а в 2010 г. так называли тропу к мысу Гарагасси, где был установлен памятный знак⁹². Во время моего визита в 2014 г. выяснилась связь Миклухо-Маклая со священной скалой клана илея⁹³. Подоб-

ные «маклаевские» места есть и в других деревнях, которые посещал Миклухо-Маклай. Очевидно, что эта живая память, а не административно предписанные названия мест, являются лучшим свидетельством связи Миклухо-Маклая с берегом его имени.

Покинув Берег Маклая и путешествуя по другим районам Океании, Миклухо-Маклай сохранил интерес и уважение к географическим названиям коренных народов. Во время исследования побережья Ковиай на юго-западе Новой Гвинеи в 1873 г., где он обнаружил неизвестный пролив, он писал: «Так как этот проход между архипелагом Мавара и материком Новой Гвинеи не был еще обозначен на картах, то я назвал его на моей проливом вел. кн. Елены, в воспоминание любезного гостеприимства и нескольких приятных недель, проведенных мною во дворце ее и. в. вел. кн. Елены Павловны в Ораниенбауме осенью 1870 г.»⁹⁴. Он отмечал, что это была «одна из самых красивых местностей Ост-Индского архипелага», и выбор Маклая, несомненно, был обусловлен приятными воспоминаниями прошлого. Там же он назвал мыс в честь Джеймса Лаудона, генерал-губернатора Нидерландской Индии, гостеприимством которого он пользовался в Бюйтензорге.

В комментариях к карте этой местности он четко выразил свою позицию в отношении местных топонимов: «Я позволил себе ввести эти названия, так как эти места, несмотря на их географическое значение, не имеют каких-либо туземных названий. Остальные названия на эскизе карты имеют большей частью полупапуасское – полусерамское происхождение, так как серамцы уже в течение столетий ведут торговлю на этих берегах и имеют почти для всех местностей названия, либо слышанные ими от папуасов, либо данные ими самими. Но в то время как почти каждый пасир (песчаный берег), скала или ручей имеют особое название, большие части моря и берегов лишены какого-либо обозначения». Вместе с тем он отмечал трудность сохранения местных топонимов в районе, который отличался мобильностью населения. «Со мной многократно случалось, – писал он, – что, когда я хотел узнать туземное название места, спрошенные папуасы говорили мне несколько названий и спорили между собой, причем каждый

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

утверждал, что он говорит правильное название. Номадный образ жизни очень затрудняет сохранение традиции». Более того, при проверке некоторых местных названий, записанных более ранними исследователями этого района, он обнаружил, что некоторые из них были неизвестны местным жителям. «Весьма вероятно, – заключил он, – что названия часто теряются и на их место вводятся новые, с которыми может снова произойти нечто подобное»⁹⁵. Тем не менее, он приложил все усилия, чтобы добавить на свою карту все местные топонимы, которые ему удалось собрать в этой местности.

Посещая в 1876 г. острова Палау, Миклухо-Маклай отмечал, что «имена на картах очень отличны от туземных названий», и старался записывать их «по возможности ближе к туземному произношению»⁹⁶. Острова Адмиралтейства, расположенные к северу от Новой Гвинеи, поставили перед ним новую методологическую задачу относительно использования местных топонимов. Посетив в 1876 г. главный остров, а затем группы островов к западу от него, он узнал, что названия этих групп островов были Хермит, Эшикие и Анахореты, которые, как он полагал, соответствовали туземным названиям Агомес, Ниниго и Канес. Он внес соответствующие поправки в свои карты. Но, снова посетив острова в 1879 г., он продолжил свои расспросы и обнаружил, что название Агомес, которое он принял за туземное название острова Хермит, на самом деле было искаженным произношением островитянами слова «Хермит», которое они часто слышали от шкиперов с посещавших их судов; правильным изначальным названием острова было Луб⁹⁷. Ситуация с самым большим из Адмиралтейских островов, ныне известным как Манус, также была не однозначной. Миклухо-Маклай подозревал, что этот остров, разделенный «между множеством отдельных и враждебных племен, не имеет общего имени». Впоследствии он узнал, что местное название острова было Тауи – так называли его потомки мигрировавших на Луб островитян. Хотя он и подозревал, что это могло быть название только одной части большого острова, он сделал вывод, отражающий его глубокие убеждения: «Во всяком случае, название Тауи имеет столько же права существовать и употребляться, как и имя о. Адмирал-

тейства, если не признать совершенно исключительно за белой расой право раздавать имена»⁹⁸.

Как это ни парадоксально, но в случае Миклухо-Маклая и «наложение» имени – архипелаг Довольных людей, – и восстановление местного названия – остров Луб – можно рассматривать как разные проявления одного и того же процесса взаимодействия с народами Океании, который материализует в топониме значимое, диалогическое послание.

Идея полифонической истории особым образом проявляется в картах. Англоязычный мир предпочитает карты Океании с преимущественно британскими названиями, допуская небольшое вкрапление французских названий, еще меньшее – русских, почти полное отсутствие немецких и ни одного японского. Но у всех этих наций тоже были свои карты, и они воспринимали мир через них. Не удивительно, что русская карта Океании сильно отличается от британской карты и содержит десятки русских топонимов от Новой Гвинеи до Маркизских островов. В XXI в. пришло время принять эти разные образы нашего мира, наложить эти прозрачные карты одна на другую и позволить фону оставаться собственностью народов Южных морей в надежде, что все мы, все нации, можем стать от этого только богаче.

---

¹ Интервью с Нотау Алева и Рака Илия, 28 августа 2014 г. // Архив Елены Говор, Канберра, Австралия.

² Ballard C. The Return of the Past: On Drawing and Dialogic History // The Asia Pacific Journal of Anthropology. – 2013. – Vol. 14, no 2. – P. 136–148.

³ Интервью с Ябуй Туй, Ассел Туй, Кую Амбел, Манумба Буси, 8–10 сентября 2014 г. // Архив Елены Говор.

⁴ Douglas B. Science, Voyagers, and Encounters in Oceania, 1511–1850. – Houndmills: Palgrave Macmillan, 2014.

⁵ Dening G. Beach Crossings: Voyaging Across Times, Cultures and Self. – Carlton, Vic.: Melbourne University Publishing, 2004. Он же. Islands and beaches: discourse on a silent land, Marquesas, 1774–1880. – Carlton, Vic.: Melbourne University Press, 1980.

⁶ Левенштерн Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном: Дневник лейтенанта «Надежды» (1803–1806)... – СПб: ЦКП ВМФ. – С. 109.

⁷ Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах... Ч. 1. – СПб, 1809. – С. 170–171.

⁸ После открытия южной группы о-вов испанцами в 1595 г. они долгое время именовались островами маркиза де Мендоза, что позволяло называть их и островами Мендоза (Мендозскими островами), и Маркизскими островами.

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

- ⁹ Острова Мендозы и Вашингтона // Крузенштерн И.Ф. Собрание сочинений, служащих разбором и изъяснением Атласа Южного моря капитан-командором Крузенштерном. Ч. 1. – СПб, 1823. – С. 3.
- ¹⁰ *Tilesius von Tilenau W. Skizzenbuch des Hofrath Dr Tilesius v. Tilenau Naturforschers der Krusensternischen Reise um die Welt in den Jahren 1803-1806* // Российская Государственная библиотека, отдел рукописей. Ф. 178, М 10693b. – В. 84, 85 об.
- ¹¹ *Крузенштерн. Путешествие вокруг света...* – С. 163.
- ¹² *Крузенштерн И.Ф. Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна.* – СПб.: Морская типография, 1813. – Таб. 13.
- ¹³ *Krusenstern A.J., Reise Journal. 11. Buch. Von Cap Horn bis Kamtschatka. N. 7* // Rahvusarhiiv, Tartu. Fond Perekond von Krusenstiern. Font 1414, nimitsu 3, säilik 6. – Leht 55, 55 v.
- ¹⁴ *Govor E. Twelve Days at Nuku Hiva: Russian Encounters and Mutiny in the South Pacific.* – Honolulu, University of Hawai'i Press, 2010.
- ¹⁵ *Масленников В. Морская карта рассказывает.* – Москва: Воениздат, 1986. – С. 229.
- ¹⁶ Chichagov, P. to I. Kruzenshtern, 29 April 1805 // Bibliothèque nationale de France, Manuscript Department, Slave 104. Folios 37 v. - 39.
- ¹⁷ *Лисянский Ю. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на корабле Нева. Т. 1.* – СПб, Тип. Ф. Дрехслера, 1812. – С. 121.
- ¹⁸ *Лисянский Ю. Собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию флота капитана ... Лисянского на корабле «Нева».* – СПб: Морская типография, 1812.
- ¹⁹ *Крузенштерн. Путешествие вокруг света...* – С. 171, 162.
- ²⁰ *Лисянский. Путешествие...* – С. 120.
- ²¹ *Коробицын Н.И. «Записки» приказчика Российско-Американской компании Н.И. Коробицына 1795-1807 гг.* // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII-XIX. – М.: Изд-во АН СССР, 1944. – С. 160, 167.
- ²² *Gideon, The Round the World Voyage of Hieromonk Gideon, 1803-1809* / translated, with an introduction and notes, by Lydia T. Black; edited by Richard A. Pierce. – Kingston, Ont.; Fairbanks, Alaska, Limestone Press, 1989. – P. 23.
- ²³ *Левенштерн. Вокруг света...* – С. 126.
- ²⁴ *Langsdorff G. Remarks and Observations on a Voyage around the World from 1803 to 1807, Translated and annotated by V. J. Moessner, ed. by R. A. Pierce.* – Kingston, Ont.: Limestone Press 1993. – P. 68.
- ²⁵ *Tilesius, W.G. 'Zweite Abtheilung des Reise Journals nach Krusenstern', Chapter 'Nukahiwah einer der Washington Inseln'* // Stadtarchiv Mühlhausen, Tilesius Bibliothek 82 / Nr. 291. – В. 1-2. Tilesius, W.G. Skizzenbuch... – В. 8, 10 v.
- ²⁶ *Langsdorff. Remarks and Observations...* – P. 67.
- ²⁷ *Фирсов И.И. Лисянский.* – М.: Молодая гвардия, 2002. – С. 196.
- ²⁸ *Гурецкий В.О. Русские географические названия в Океании* // Страны и народы Востока. Вып. XXXI. Страны и народы бассейна Тихого океана. – М.-СПб.: Наука, 2002. – С. 298.
- ²⁹ *Лисянский. Путешествие вокруг света...* Т. 1. – С. 126.
- ³⁰ *Лисянский Ю. Собрание карт и рисунков...* – СПб., 1812.

Глава 3. Роль контактов с коренным населением в истории русских топонимов в Океании

- ³¹ *Крузенштерн*. Путешествие вокруг света... – С. 178.
- ³² *Лисянский*. Путешествие вокруг света... Т. 2. – С. 225-26, 228.
- ³³ Острова Маркезские и Вашингтоновы; Остров Лисянского; Карта земного шара, выправленная по новейшим описаниям Ф.К. Ю. Лисянским с показанием пути корабля Невы с 1803-го по 1806-й // *Лисянский Ю.* Собрание карт и рисунков... – СПб., 1812.
- ³⁴ План порта Чичагова; Меркаторская карта всего света или Генеральная карта к путешествию капитана Крузенштерна с показанием пути корабля Надежды вокруг света // *Крузенштерн И.Ф.* Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна. – СПб, 1813.
- ³⁵ Меркаторская карта всего света или Генеральная карта к путешествию капитана Крузенштерна с показанием пути корабля Надежды вокруг света. Изданная в 1813 году. Исправленная до 1823 года // Атлас к путешествию лейтенанта Коцебу на корабле Рюрике в Южном море и в Берингов пролив. – СПб, 1821-1823.
- ³⁶ Генеральная карта Южного моря. Лист II. 1826 // *Крузенштерн*. Атлас Южного моря. Ч. 2. – СПб, 1826.
- ³⁷ Океания или Австралия и Многоостровие // Атлас классический и общий древней и новой географии... – СПб., 1821.
- ³⁸ См., например, исследование *Mills P.R.* *Hawai'i's Russian Adventure: A New Look at Old History.* – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2002.
- ³⁹ *Pierce R.A.* *Russia's Hawaiian Adventure, 1815-1817.* – Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1965. – С. 15-16, 80, 184-185; *Болховитинов Н.Н.* *Русские на Гавайях (1804-1825)* // *История Русской Америки (1732–1867)*. Т. 2. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 276–302.
- ⁴⁰ *Mills.* *Hawai'i's Russian Adventure.*
- ⁴¹ *Коцебу О.* Атлас к путешествию лейтенанта Коцебу на корабле Рюрике в Южном море и в Берингов пролив. – [СПб], [1821-1823].
- ⁴² Архипелаг островов Маршалла // *Крузенштерн*. Собрание сочинений... Ч. 2. СПб, 1827. – С. 5. Карта островов Маршалла // *Крузенштерн*. Атлас Южного моря. Ч. 2.
- ⁴³ *Carte de L'Archipel des Isles des Marshall* // *Krusenstern [A.J.]. Atlas l'océan Pacifique.* Pt. 2. – SPb, 1827.
- ⁴⁴ *Коцебу О.* Атлас к путешествию лейтенанта Коцебу... – [СПб.], [1821-1823]
- ⁴⁵ Плоская карта группы коралловых островов графа Румянцева // *Коцебу О.* Атлас к путешествию лейтенанта Коцебу...
- ⁴⁶ *Коцебу О.* Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив... Ч. 2. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1821. – Гл. 11.
- ⁴⁷ *Шамиссо А.* Наблюдения и замечания естествоиспытателя экспедиции // *Коцебу О.* Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив... Ч. 3. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1823. – С. 364.
- ⁴⁸ *Литке Ф.П.* Путешествие вокруг света ... на военном шлюпе «Сенявине» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах. Т. 2. – СПб, 1835. – С. 15-16.
- ⁴⁹ *Литке Ф.* Атлас к путешествию вокруг света шлюпа Сенявина... – [СПб.], [1835].

РОССИЙСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ: РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

- ⁵⁰ См., например, попытки выяснить местные топонимы в группе островов Сенявина: Литке. Путешествие... Т. 2. – С. 13-14.
- ⁵¹ Литке. Путешествие... Т. 2. – С. 23-24.
- ⁵² Литке. Путешествие... Т. 2. – С. 226, 228.
- ⁵³ Литке. Путешествие... Т. 2. – С. 33, 34.
- ⁵⁴ Литке. Путешествие... Т. 1. – СПб, 1834. – С. 242.
- ⁵⁵ Литке. Путешествие... Т. 2. – С. 16.
- ⁵⁶ Литке. Путешествие... Т. 2. – С. 43.
- ⁵⁷ Литке. Путешествие... Т. 2. – С. 111, 114.
- ⁵⁸ Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов... Ч. 2. – СПб: Тип. И. Глазунова, 1831. – С. 39.
- ⁵⁹ Douglas B., Govor E. Eponymy, Encounters, and Local Knowledge in Russian Place Naming in the Pacific Islands, 1804-1830 // Historical Journal, Cambridge. – 2019. – No. 3. – С. 729-731.
- ⁶⁰ Беллинсгаузен Ф.Ф. Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена в Южном ледовитом океане и во круг света в продолжении 1819, 1820, 1821 годов. – СПб, 1831.
- ⁶¹ Беллинсгаузен Ф.Ф. Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена ....
- ⁶² Карта островов Друзей // Крузенштерн. Атлас Южного моря. Ч. 1.
- ⁶³ Carte de L'Archipel des Iles des Amis // Krusenstern [A.J.] Atlas l'océan Pacifique. Pt. 1. – SPb, 1824.
- ⁶⁴ Крузенштерн И.Ф. Дополнение к изданным в 1826 и 1827 годах объяснениям оснований, послуживших для составления Атласа Южного моря... – СПб: Тип. Академии наук, 1836. – С. 90.
- ⁶⁵ Предисловие // Крузенштерн. Собрание сочинений... Ч. 2. – С. II.
- ⁶⁶ Крузенштерн И.Ф. Дополнение к изданным... Ч. 2. – С. 45.
- ⁶⁷ Krusenstern [A.J.] Atlas l'océan Pacifique. Pt. 2. – SPb, 1827 (экземпляр, хранящийся в Rahvusarhiiv, EAA.1414.2.40).
- ⁶⁸ Шульгин И. Курс всеобщей географии, в пользу воспитанников Императорского лицея... Ч. 2. Азия, Африка, Америка и Австралия. – СПб: Типография медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1825. – С. 416-418, 427.
- ⁶⁹ Вернадский И.В. Политическое равновесие и Англия. – М.: Унив. тип., 1855. – С. 81.
- ⁷⁰ Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений в 6-ти тт. Т. 1. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб, 2020. – С. 87 (далее все ссылки на это издание за исключением особо оговоренных случаев).
- ⁷¹ План западного берега бухты Астролябии на северном берегу Новой Гвинеи. По описи офицеров корвета «Витязь» под командою кап. 2 ранга Назимова в 1871 г. и офицеров «корвета "Скобелев"» под командой кап. 2 ранга Благодарева в 1883 г. Издан Гидрографическим департаментом Морского министерства. – СПб, 1885.
- ⁷² План западного берега бухты Астролябии на северном берегу Новой Гвинеи. По описи офицеров корвета «Витязь» под командою кап. 2 ранга Назимова в 1871 г. и офицеров корвета «Скобелев» под командой кап. 2 ранга

Глава 3. Роль контактов с коренным населением в истории русских топонимов в Океании

Благодарева в 1883 г. Издан Гидрографическим департаментом Морского министерства. – СПб., 1885. – https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012591326/

⁷³ Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. 1. – С. 106.

⁷⁴ Ibid. – С. 106.

⁷⁵ План порта Великий князь Алексей, в бухте Астролябия. По описи произведенной офицерами «корвета “Скобелев”» в 1883 г. Издан Гидрографическим департаментом Морского министерства. – СПб, 1885.

⁷⁶ Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений в 5-ти тт. Т. 2. – М.-Л.: Изд-во Академии наук, 1950. – Карта между с. 336 и 337.

⁷⁷ Надо, однако, отметить, что Германия, начав колонизацию Берега Маклая, опубликовала на немецком языке карту, сделанную в Архипелаге Довольных людей на «Скобелеве» в 1883 г.: Grossfurst-Alexis-Hafen. – Berlin, 1890.

⁷⁸ Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. 1. – С. 88, 266.

⁷⁹ Миклухо-Маклай Н.Н. Альбом «Рыбы». Архив РГО, Санкт-Петербург.

⁸⁰ Архив Музея Антропологии и этнографии. I-2085-47.

⁸¹ Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. 2. – С. 382.

⁸² Mitchell Library, Sydney. An 28.

⁸³ Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. 1. – С. 247.

⁸⁴ Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. 1. – С. 273.

⁸⁵ Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. 3. – С. 366.

⁸⁶ Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. 1. – С. 276.

⁸⁷ Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. 5. – С. 303.

⁸⁸ Подсчет, основанный на результатах просмотра <https://books.google.com>.

⁸⁹ Гурецкий, В.О. Русские географические названия в Новой Гвинее // Известия Академии наук, Серия географическая. – 1969. – № 3. – С. 122-131. Турмаркин, Д.Д. К истории топонима Берег Маклая // Советская этнография. – 1984. № 5. – С. 102-106.

⁹⁰ Stull, Bradford T. Religious Dialectics of Pain and Imagination. – Albany: State University of New York Press, 1994. – P. 72-74.

⁹¹ Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений в 5-ти тт. Т. 2. – М.-Л.: Изд-во Академии наук, 1950. – Карта между с. 416-417.

⁹² На Берегу Маклая. – М.: Наука, 1975. – С. 41; Титорский А.В. Предания о Н.Н. Миклухо-Маклае в культуре жителей Берега Маклая // Старое и новое в изучении этнографического наследия Н.Н. Миклухо-Маклая. Очерки по историографии и источниковедению / Отв. ред. и сост. П. Л. Белков. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 169.

⁹³ Интервью с Манумба Буси и Ананг Мил, 10 сентября 2014 г. Архив Елены Говор.

⁹⁴ Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. 1. – С. 306.

⁹⁵ Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. 3. – С. 173-174.

⁹⁶ Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. 3. – С. 251.

⁹⁷ Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. 2. – С. 103-104, 354; Т. 5. – С. 197.

⁹⁸ Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. 2. – С. 103; Т. 3. – С. 216, 297-298.

nological heritage that had accumulated in the Russian language by the second half of the 19th century influenced the texts associated with N.N. Miklouho-Maclay, whose travels and explorations in Oceania are notable for their significant impact on Russian South Pacific studies.

Chapter 3. *The Role of Contact with Indigenous People in the History of the Russian Toponyms in Oceania*

About the author: *Dr. Elena Govor – PhD (History), Research Fellow, Australian National University, Canberra, Australia.*

E-mail: elena.govor@anu.edu.au

This chapter analyses Russian toponyms in the context of the interaction of travelers with the indigenous peoples of Oceania. Based on several case studies, the chapter explores the influence of the success and duration of the contacts with indigenous people on the choice of toponyms by Russian travelers. The chapter also examines the attitude of the travelers – Adam Johann von Krusenstern, Urey Lisiansky, Otto von Kotzebue, Friedrich von Lütke, Fabian Gottlieb von Bellingshausen and Nikolai Miklouho-Maclay – to the use of indigenous toponyms versus European toponyms in their publications, particularly in the Russian and French versions of Krusenstern's Atlas of the South Sea. Particular attention is paid to the origin of Russian toponyms on the Marquesas, Hawaiian, Marshall, and Caroline Islands, and on the Russian Islands (Tuamotus). The last section of the chapter examines the consistently humanistic, anti-racist position upheld by Miklouho-Maclay in the toponymy of New Guinea and his attitude to the assignment of European place names to geographical objects.

Chapter 4. *The Russian Presence on the Map of Australia*

About the author: *Dr. Elena Govor – PhD (History), Research Fellow, Australian National University, Canberra, Australia.*

E-mail: elena.govor@anu.edu.au

Place names and microtoponyms of Russian origin in Australia number in the hundreds, but, unlike in Oceania, their origin was far from always associated with Russian naval expeditions. Friendship and enmity, the history of pioneers and the grateful